

БРАЗИЛИЯ.

Остаться жить

— ИСТОРИИ ГИДА —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ROMANO RUSSO

18+

Romano Russo

Бразилия. Остаться жить

<https://litres.ru/74671894>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцать лет я показывал туристам Бразилию. Поднимался с ними к статуе Христа, путешествовал по стране, отвечал на вопросы и разбирался с неприятностями, которых не было в программе экскурсии.

Среди моих гостей были самые разные люди — вплоть до будущего патриарха. Но ни положение, ни деньги не помогали управлять бразильской погодой, расписанием и моим собственным языком.

Туристы уезжали. Я оставался.

За экскурсиями продолжалась моя жизнь: любовь, переезды, попытки устроиться в другой стране и возвращения в Бразилию. Здесь я учился зарабатывать заново, находил дом и со временем стал поваром.

Это истории о людях, которых я встретил, о стране, которая умеет вывести меня из себя и тут же обезоружить чьей-нибудь добротой. И о том, почему после всего пережитого я всё равно хочу здесь остаться жить.

Содержание

Глава 1. Поезд едет назад	4
Глава 2. Первая работа в Бразилии	12
Глава 3. Мой португальский	18
Глава 4. Иван Безухов	25
Глава 5. Оставайтесь на линии	30
Глава 6. Как я стал гидом	36
Глава 7. Нам не выдали халаты	43
Глава 8. Старик и собака	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Romano Russo

Бразилия. Остаться жить

Глава 1. Поезд едет назад

На нижней станции в Косме-Велью для нас выделили отдельный поезд. Два красных вагона должны были поднять российскую делегацию на Корковадо, к статуе Христа.

Икону «Державная» отправили вверх автомобилем. Остальные гости захотели ехать по железной дороге. По просьбе консульства нам предоставили специальный состав, а пожилой хозяин всего этого хозяйства даже приехал с утра лично сопровождать группу.

Нас ждал подъём к вершине высотой семьсот десять метров над уровнем моря. Пассажиры это знали. Пока мы находились внизу, высота оставалась обычной цифрой из рассказа гида. Позже, когда вагоны пошли по крутому склону, она стала восприниматься гораздо серьёзнее.

Погода торжественности момента не соответствовала. Горы закрывали облака, накрапывал дождь. Где-то наверху стоял Христос, но показываться пока не собирался.

Я много лет возил сюда туристов и знал дорогу. Знал и то, что люди хотят увидеть, когда приехали на другой конец света, а главную достопримечательность им закрыли туманом.

Обычно в таких случаях я шутил.

В этот раз тоже.

Делегация прилетела в Рио в рамках Дней России в странах Латинской Америки. Около ста пятидесяти человек: церковные иерархи, сопровождающие, представители государственных ведомств, хор Сретенского монастыря. Икона «Державная» путешествовала с охраной из шести человек.

Принимать гостей поручили нескольким гидам, в том числе мне.

Накануне Аня, руководитель агентства, собрала нас на инструктаж. Москва давала одни указания, координатор группы — другие, церковное начальство меняло планы. Аня пыталась всё это согласовать и к концу собрания уже сама плохо понимала, что к чему.

— Вы завтра езжайте в аэропорт, на месте разберёмся.

В нашем распоряжении были два отеля, автобусы, представительские автомобили и полицейские на мотоциклах, которые должны были обеспечивать проезд по городу. Всё выглядело внушительно.

Я приехал в аэропорт за час до назначенного прилёта. Опаздывать не люблю, а тут ещё специальный рейс, важная делегация. На табло обнаружилось, что самолёт задерживается на три часа.

Позвонил Анне.

— Ромочка, ну ты посиди там уж, пожалуйста. А вдруг он раньше прилетит.

За чтением книжки в телефоне я провёл десять часов. Рейс переносили, а коллеги периодически звонили из дома и спрашивали, что там с прибытием. Когда самолёт наконец собрался прилетать, появились и они. Очень разумные люди. Я к тому времени мог бы сам проводить экскурсии по залу ожидания.

Гостей встречали сотрудники консульства во главе с генконсулом. Сначала появилась икона в деревянном ящике. Её вместе с охраной отправили в гостиницу с полицейским сопровождением. Затем занялись остальной делегацией.

Гостей распределили между нами заранее. Коллеге Артуру достался хор Сретенского монастыря, мне — представители различных ведомств с жёнами. Хористы оказались скромными, организованными людьми. Я потом не раз подумал, что надо было с Артуром поменяться.

Мои пассажиры после некоторых препирательств разместились в микроавтобусе. Стоило закрыться дверям, как начались вопросы:

— Сколько ехать до отеля? Где можно поменять валюту? А правда, что в Рио опасно?

В гостинице от некоторых гостей можно было услышать и другие:

— А почём тут тёлки? Подкинь анаши, брат.

В общем, обычные туристы, только приехавшие в составе какой-то официальной делегации.

Пока всех расселили, пока всё объяснили, оставалось

только надеяться немного поспать. На следующее утро предстояло везти группу на Корковадо. У статуи Христа была назначена служба РПЦ.

В те дни дожди в Рио шли один за другим. На горе стоял такой туман, что туристы порой не могли рассмотреть статую даже вблизи.

— Скажите, а Христос к нам лицом стоит или спиной?

Это был вполне серьёзный вопрос. Человек заплатил за поездку, поднялся на гору и теперь хотел хотя бы разобраться, с какой стороны находится то, ради чего он сюда приехал.

Некоторые обещали пожаловаться в туристическую компанию, не обеспечившую им погоду. Мы объясняли, успокаивали, а потом переходили к шуткам.

Была у нас такая присказка: Христос не показывает вам свой лик, потому что вы грешные. Молитесь чаще — может быть, завтра увидите. А гиды грешными быть не могут, поскольку поднимаются сюда каждый день и им уже всё отпустили.

На обычных экскурсиях народ смеялся.

Рассадив делегацию по вагонам, я совершенно автоматически рассказал эту историю. Целиком, включая отпущение грехов экскурсоводам.

Гости вежливо посмеялись.

И только тут до меня дошло, кому именно я это сейчас сообщил. Передо мной сидело церковное начальство, приехавшее служить у Христа, а я объяснял, почему Христос от

него прячется. Заодно успел поставить себя в более выгодное положение.

Консул посмотрел на меня так, что продолжать тему я не стал.

Никакой провокации я не готовил. Просто язык сработал быстрее головы. Когда голова наконец включилась, шутка уже была рассказана и вернуть её обратно не получалось.

Поезд пошёл вверх.

Железная дорога на Корковадо устроена специально для такого подъёма: между рельсами проходит зубчатая рейка, за которую цепляется механизм поезда. Два красных вагона карабкались по склону, и пассажиры успели почувствовать, что это совсем не прогулка по ровному городу.

Мы поднимались всё выше. Туман не рассеивался. Рассмотреть окрестности толком не удавалось, зато крутизна дороги сомнений не вызывала. Цифра «семьсот десять метров» уже не казалась отвлечённой.

Потом поезд остановился.

Машинист вышел из верхней кабины, вручную открыл двери и ушёл. Пассажиры видели, как он покидает своё место. Куда направился дальше, им было непонятно.

Через некоторое время вагоны тронулись назад.

Мы только что поднимались по этому склону, а теперь двигались вниз, задним ходом. Кабина, где прежде находился машинист, оставалась пустой.

Правительственные жёны начали повизгивать, мужья по-

бледнели, священнослужители крестились. Все уже успели оценить подъём, поэтому движение в обратную сторону воспринималось без особого восторга.

Я тоже изображал недоумение.

На самом деле прекрасно понимал, что происходит, но объяснять не спешил. После шутки о грешниках происходящее выглядело особенно неудачно: Христос сначала не показывался, а теперь нас от него ещё и повезли обратно.

Тут вмешался консул.

Он объяснил пассажирам, что всё под контролем. Машинист перешёл в нижний вагон и управляет составом оттуда. Мы выполняем обычный манёвр на разъезде Пайнейрас, чтобы пропустить встречный поезд. После этого снова поедem вверх.

Никакой неисправности не было. Машинист занимался своей работой, и поезд двигался именно туда, куда требовалось.

Я, разумеется, всё это знал. Столько лет на одном маршруте — такие вещи запоминаются. Но объяснение дал консул, а я до этого поддерживал совершенно ненужную загадочность происходящего.

Встречный состав прошёл, мы продолжили подъём и благополучно добрались до статуи.

А дальше произошло то, чего я со всеми своими шутками обеспечить не мог.

Как только началась служба, облака разошлись. Показа-

лось голубое небо, открылся Христос. После затяжных дождей и тумана это было замечательное совпадение. Съёмочная группа Первого канала получила возможность снимать происходящее с вертолёта.

Позже в новостях сообщили:

«Икона явила ещё одно чудо. Небо над Рио-де-Жанейро снова стало голубым».

Небо действительно прояснилось во время службы. Гости увидели статую, телевизионщики получили свои кадры. Моя теория о грешных туристах больше не работала, но я был вполне готов от неё отказаться.

На обратном пути один из иерархов решил пошутить:

— Сын мой, а что же вы тут погоду не организовали?

Я ответил:

— Так у нас, батюшка, Лужкова-то нету в Рио, чтобы тучи руками разводить.

Моим собеседником был Кирилл — тогда митрополит Смоленский и Калининградский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата. В миру — Владимир Михайлович Гундяев. Тот самый, который впоследствии стал патриархом Московским и всея Руси.

Так что присказку про грешников и уже очищенных от грехов гидов я рассказал в присутствии будущего главы Русской православной церкви. И поездку задним ходом мы тоже совершили вместе.

Три дня визита подошли к концу. Оставалось собрать го-

стей и доставить в аэропорт.

Хористы сели в транспорт сразу и без разговоров. Правительственных жён пришлось поугovarивать. Но в конце концов мы добрались до Галеана, с которого всё начиналось.

У стойки регистрации шла обычная работа. Пассажиры регистрировались, мы помогали. Примерно через полчаса выяснилось, что самолёт вовремя не вылетит: приехали не все.

Хор на месте. Представители ведомств тоже. Даже «Державная» уже на борту.

А церковное начальство где?

Начали выяснять. Оказалось, часть гостей ещё ужинает в ресторане.

Пока мы занимались отправкой, у них продолжалась трапеза. Самолёт был специальный и без них улетать не собирался. Вместе с ним ждали остальные участники делегации, экипаж и мы.

Три часа.

Делегация всё-таки улетела. Гости увезли свои впечатления от Бразилии, у меня остались впечатления от гостей. И сам Рио, из которого мне никуда улетать было не нужно.

Глава 2. Первая работа в Бразилии

Я так восторженно орал про свою новую работу в ювелирной компании Amsterdam Sauer в Рио-де-Жанейро. Теперь настала пора оценить её трезво. Что я там говорил? Ах, как хорошо — я буду работать. Ах, буду работать с русскими — не забуду родную речь. Ах, буду жить в Рио, а не в какой-то бразильской деревне — была такая перспектива. Живу в Рио. Работаю. Вот как это начиналось...

Первый день работы. Я в галстукe, в пиджаке, весь расфуфыренный — иду на работку. Сам от себя тащусь. Правда, на метро ехать надо. Но зато всего две станции. И что от дома, что от работы — до метро близко. Думаю: клёво, что я работаю на Кopaкaбaнe — как на Тверской или на Фурманова, в зависимости от города, — возле Copacabana Palace — как возле Кремля или на Новой площади.

И как-то я не подумал, что при тридцати пяти градусах работать на улице, стоя напротив магазина в поисках клиентов, да ещё в костюме — ад! Сначала у меня сгорел нос — он большой. Потом руки. Потом я понял, что такая разница в зеркале — красно-бледный — неприемлема, и начал ходить на пляж регулярно.

Но до пляжа я добрался только на второй месяц работы. Хотя работаю напротив него. Первые недели я рыдал в подушку каждую ночь. Мне казалось, что ничего у меня не по-

лучится, что я никогда не смогу подойти ни к одному русскому, чтобы пригласить его к нам в магазин. В Казахстане я работал журналистом. И мне не привыкать ездить на бриц-опросы. Но это — другое. Я чувствовал себя попрошайкой: «Придите к нам, купите что-нибудь, помогите эмигрантам».

Слава богу, я начал работать за месяц до начала запарки — Нового года. Утром просыпаюсь, уговариваю себя: «Рома, вставай. Ты хотел жить в Рио. Чтобы жить в Рио, надо работать. Лучшей работы, тем более журналистом, тебе пока не видать. Иди на работу и не жалуйся».

Настроил себя — пошёл. А там всё заново: позвони русским в отель, найди русских на улице, пойди туда, куда тебя русские послали. А посылали не раз: «Идите на... с вашими ювелирными магазинами». И каждый вечер рыдал в подушку. Сам себе удивлялся — взрослый человек так переживает по поводу новой работы.

Привык. Вернее, помогли привыкнуть. В очередной раз, когда обзванивал туристов, один из них согласился нас посетить. И они купили на 18 500 долларов всякой фигни. А у меня же, кроме зарплаты, ещё и проценты с продаж. Ну, я после этой продажи повеселел. А тут и Новый год настал. Русские повалили толпами. Только успеваю обзванивать да привозить в магазин.

Посчитал на калькуляторе, сколько я заработал за эти два месяца, — получилось больше, чем за несколько месяцев в Казахстане.

Конечно, все эти бабки уходят на кучу вещей: долги, счета, долги. И мне хватает только на новые рубашки. Знаете, сколько нужно рубашек при таком климате? Две в день. Но я уговариваю себя, что когда-то будет лучше. Уже не падаю от усталости каждый день. Записался на курсы гидов с 11 февраля. Мой рабочий день продлится ещё на несколько часов, но зато после учёбы мне не придётся упрашивать клиентов прийти ко мне.

Чуть не забыл про «забавный» случай. Встречаю в аэропорту группу VIP. Даже не просто VIP, а супер-VIP. Восемь человек, остановились в лучшем отеле города, в президентских номерах с видом на море, с личной охраной, гидом и транспортом. Я их встретил, вручил нашу рекламу. Потом гид меня подбросила из аэропорта до работы. За это время я объяснил клиентам, кто мы такие, что из себя представляем и так далее. Понравился Валентину — главному по группе. Тот меня попросил купить местные сим-карты. Я купил, принёс в отель.

Тут на меня набрасывается русский продавец конкурирующей фирмы с криком:

— Вы не имеете права входить в этот отель!

Дальше рассказывать нудно. Но в итоге началась война. Конкуренты позвонили принимающему туристов агентству. Агентство позвонило нам с требованием убрать меня от туристов подальше. Шеф позвонил мне с просьбой не приближаться к отелю ближе чем на сто метров. А я же уже купил

сим-карты. Мне за них нужно деньги забрать.

Я звоню гиду, она говорит туристам, что я у двери отеля. Главный «турист» выходит забрать карты. Я ему объясняю, что конкурирующие толстые тётки не дают мне с ним общаться. На что мой турист говорит, что ему плевать на то, что говорят тётки, и просит меня сопровождать их ночью по клубам. Дальше неинтересно.

Главное, что в итоге они купили у нас товара на 34 тысячи долларов. Правда, потом, когда уже все всё купили, война продолжилась. Но, как сказали мне коллеги, на войне как на войне. Нужно работать и продавцом, и гидом, и сопровождающим, и... всем кем угодно. Интимные услуги не предлагать.

А вот ещё случай. Иногда мне надо ехать в порт и встречать там русскоязычные группы. Они приплывают на белоснежных лайнерах в десять этажей ростом. В порту у нас стоят специальные гиды, которые этих туристов возят по туристическим местам — статуя Христа и так далее, — в надежде, что туристы купят потом что-нибудь у нас. Тут вдруг собралась группа русских из двадцати девяти человек. Естественно, вызвали меня, поскольку только я и говорю по-русски. И тут я понял, что такое работать с кучей людей. Русскоговорящих людей.

Всегда, в любой группе найдётся один или два человека, которые будут жаловаться всю дорогу. Нашёлся и у меня такой. Я веду экскурсию по центру города — он меня переби-

вает. Мы стоим в очереди на статую Христа — он жалуется, что мы не первыми идём. Я рассказываю про местный район красных фонарей — он орёт, что в автобусе дети. Причём сам с двумя... такими же. Не детьми.

Со всей группы я продал всего на 17 тысяч долларов. Я получаю 2,5 процента от продажи. В итоге — считайте сами. Нервов и здоровья я трачу гораздо больше. Это хорошо, что группу записали полностью на меня. А иногда бывает так, что эти несчастные 2,5 процента делят на шестьдесят человек. Мне моей математики не хватит, чтобы посчитать, сколько в итоге я должен получить.

В общем, приглашаю всех к нам, в Бразилию. Если вы способны потратить тысяч триста-четыреста долларов, я буду вам рад. Если не способны потратить и трёхсот долларов — приходите работать к нам. Я как раз ищу какого-нибудь эмигранта мне на замену.

И, несмотря ни на что, я сделал вывод для себя. Я не верю в рассказы эмигрантов о том, что они за границей вынуждены побираться и жить только на пособие. Ничего подобного. Если у вас есть голова, руки и ноги, вы сможете пристроиться везде. Если вам не лень учить язык страны, в которой вы живёте, — вы сможете устроиться везде. Если вы плюнете на «заслуги», которые имели в прошлом, — вы сможете работать везде.

Новая страна — новая жизнь. Вы сами выбираете страну, в которой жить. А вместе с ней — и её горести и радости.

У нас тут, на Копакабана, ходит один чувак и рассказывает всем, что он из Караганды и давно хочет туда вернуться, потому что ему очень плохо в Бразилии. Плохо? Возвращайся! Только не морочь людям мозги, не ной, не преследуй русских туристов и русскоязычных жителей Рио. Молча собери вещи и уезжай. Видать, не так и плохо, раз до сих пор тут живёшь.

Глава 3. Мой португальский

Первые слова, которые я выучил по-португальски, в приличном обществе произносить не полагалось.

Почему-то принято считать, что именно русские, встретив иностранца, немедленно обучают его мату. Ничего подобного. Бразильцы делают то же самое, с таким же энтузиазмом и совершенно бесплатно. В вопросах международного культурного обмена наши народы прекрасно понимают друг друга.

Человек ещё не умеет попросить стакан воды, зато уже может послать того, кто ему его не принёс.

Обучение обычно происходит очень доброжелательно. Тебе произносят слово. Ты старательно повторяешь. Все радуются, поправляют ударение, просят сказать ещё раз. Никогда потом, на занятиях нормальным языком, я не встречал такого количества людей, искренне заинтересованных в моём произношении.

Поэтому матерные слова я освоил быстро. С остальным португальским дело шло сложнее.

Сначала я нашёл преподавательницу — бразильянку, которая говорила по-русски. Казалось бы, идеальное сочетание. Она знает язык, который нужен мне, и язык, на котором мне можно объяснить, почему я опять всё сказал неправильно.

Однако обучение как-то не складывалось. Она пыталась меня учить, я пытался учиться, но убедительного результата из этого не получалось. Или я был плохим учеником, или она плохой учительницей. Возможно, мы просто удачно нашли друг друга, чтобы подтвердить оба предположения.

По-настоящему португальским я занялся уже в Макае. Причём моя следующая преподавательница даже не подзревала, что преподаёт.

Она работала у нас домработницей: готовила, стирала, убирала. Цыганка, очень разговорчивая, очень колоритная тётка, страстно любившая украшения. Браслеты, кольца, серьги — всё это она надевала на себя в таком количестве, словно не могла решить, что сегодня оставить дома, и на всякий случай брала всё.

Сомневаюсь, что это было золото. Впрочем, сомневаться можно было в металле. В её любви к украшениям сомнений не возникало.

И вот эта женщина разговаривала со мной.

Её совершенно не смущало, что я не понимаю по-португальски. Она болтала со мной так, словно я всю жизнь прожил в Бразилии и просто был не особенно разговорчивым собеседником.

— Я не понимаю, — сообщал я ей.

— Сейчас объясню, — отвечала она и объясняла.

На португальском.

Причём объяснение оказывалось значительно длиннее то-

го, чего я не понял первоначально.

Её совершенно не интересовало, что я иностранец и языка не знаю. С её точки зрения, перед ней находился взрослый человек, у которого имелись уши. Следовательно, никаких препятствий для беседы не существовало.

Она что-то рассказывала, спрашивала, продолжала, переходила к следующему предмету. А я пытался хотя бы установить, о чём идёт речь: об обеде, о стирке или о каком-нибудь человеке, с которым что-то произошло. Иногда это удавалось. Иногда я понимал только то, что от меня уже ждут ответа.

— Да, — осторожно говорил я.

По её реакции выяснялось, что вопрос, видимо, был не из тех, на которые можно ответить «да».

Приходилось разбираться дальше.

У неё была дочка. Такая же разговорчивая. Жила рядом, поэтому языковая практика у меня имелась и в основном, и в дополнительном составе.

Мы жили в небольшом кондоминиуме. Соседи были приветливые, нас хорошо приняли. Вообще в Макае много иностранцев: город нефтяной, люди приезжают работать из разных стран. Иностранец там не такое уж удивительное явление.

Однако привычка к иностранцам вовсе не означала, что все собирались молчать в ожидании, пока я выучу язык.

Со мной разговаривали. И мне приходилось понимать.

В этом была существенная разница с уроками. На уроке можно не выполнить упражнение. Можно забыть слово и посмотреть на преподавателя с выражением человека, который сегодня сделал всё, что мог. Можно дожидаться конца занятия.

С домработницей такой номер не проходил. У неё не было конца занятия. У неё был разговор, который она собиралась закончить, и я был его участником.

Постепенно из сплошного потока начали выделяться знакомые слова. Потом я стал понимать, как они соединяются. Потом — отвечать. Не так, как хотелось бы, зато достаточно, чтобы разговор продолжался уже с моим участием.

Я не могу назвать день, когда вдруг заговорил. Никакого торжественного перехода не было. Просто примерно через год оказалось, что я уже говорю по-португальски.

При этом я встречал иностранцев, которые и через год, и через два жизни в Бразилии заявляли:

— Мне этот ваш португальский не нужен. Пусть со мной общаются на английском.

Меня всегда занимало это «пусть». Кто именно пусть? Соседи? Продавец? Водитель? Вся страна должна собраться и выучить английский, потому что одному человеку так удобнее?

По-моему, это обыкновенный задранный нос. Чванливость, которая особенно нелепо выглядит у человека, добровольно приехавшего жить в чужую страну.

Ты сюда переехал. Значит, учи язык. Не обязательно сразу говорить без ошибок и читать сложные книги. Но хотя бы пытаться нужно. Из уважения к людям, среди которых собираешься жить.

Я-то пытался. Хотя, судя по моей истории с английским, никаких особенных успехов в иностранных языках мне вообще не полагалось иметь.

Английский я учил всю жизнь. В школе, потом в университете. По количеству потраченного времени я должен был не просто говорить на нём, а иногда забывать русский.

Но отношения у нас не складывались.

В университете появилась новая преподавательница. Мне казалось, она сама совсем недавно его закончила. Гонора в ней при этом уже было достаточно, чтобы преподавать сразу нескольким факультетам.

На людей, которые плохо говорили по-английски, она смотрела с презрением. А я как раз относился к этой категории.

В её присутствии то немногое, что я знал, становилось ещё менее доступным. Я пытался вспомнить нужное слово, одновременно прекрасно понимая, какое впечатление произвожу. В результате думал уже не об английском, а о том, как плохо я говорю по-английски.

— Вы это должны знать.

Вот удивительная фраза. Я бы тоже хотел. Наши желания полностью совпадали. Оставалось только понять, каким об-

разом перейти от «должен знать» к «знаю».

Я несколько раз пытался пересдать. Готовился, снова приходил, снова ничего не получалось. В какой-то момент дошёл до того, что начал пить какие-то таблетки для улучшения памяти.

То есть к изучению английского я уже пытался подключить фармацевтическую промышленность.

Не помогло.

В конце концов я плюнул на всё и ушёл из университета. К тому времени я уже устроился на работу. У меня была своя жизнь, и продолжать эту борьбу я больше не хотел. Решил, что университет мне не нужен.

До сих пор об этом не жалею.

Можно, конечно, долго рассуждать, правильно ли уходить из университета из-за одного предмета. Но тогда я не писал рассуждение о пользе высшего образования. Я решал, что делать со своей жизнью, и решил именно так.

С английским после этого тоже не случилось чудес. Позже я прожил три года в Хьюстоне и год в Майами. Четыре года в Соединённых Штатах — довольно серьёзная попытка наладить отношения с языком.

До сих пор говорю плохо.

А португальский пошёл.

Причём мне было мало просто запомнить выражение и пользоваться им в подходящий момент. Моё филологическое образование давало о себе знать: мне хотелось понимать

устройство языка. Почему здесь говорят так? Почему в другом случае форма меняется? Почему нельзя сказать так, как я только что сказал, если меня вроде бы поняли?

Теперь вопросы задавал уже я.

В этом, пожалуй, и было главное отличие. Английский я много лет должен был учить. В португальском мне захотелось разобраться. Он был вокруг меня, касался моей собственной жизни, и за каждым новым словом обнаруживалось что-то, что я наконец мог понять или объяснить.

Разумеется, идеально я не говорю. Я переехал в Бразилию в двадцать пять лет, акцент у меня сохраняется до сих пор. Но говорить грамотно я могу.

Иногда я думаю о двух женщинах, каждая из которых по-своему участвовала в моём языковом образовании.

Одну очень раздражало, что я плохо говорю.

Другую это вообще не останавливало.

Со второй у меня получилось.

Глава 4. Иван Безухов

Иван был простым «иваном». Эдакий безобидный чудаковатый из российской глубинки. Там ещё носят сандалии с носками, белые рубахи и брюки. Всё вместе. Так у некоторых наших туристов проявляется чувство стиля и представление о том, каким этот стиль должен быть на отдыхе. Такой же стиль у немцев. Вот уж народы-братья.

Обычно «иваны» ездят в Турции и Египты. Туда и лететь дешевле, и сервис недорогой. В all inclusive можно знатно нажраться дешёвым пойлом и поругаться с официантом или каким-нибудь аниматором. Ещё не надо знать иностранные языки: поколения русских туристов уже добились понимания фразы «Принеси, унеси, иди на...».

В Бразилии с этим сложнее.

Во-первых, здесь далеко не всё включено. Я бы даже сказал — всё выключено, за исключением завтрака. Во-вторых, цены кусаются за все места, а торговаться получается далеко не везде. На русском с тобой никто разговаривать не обязан. И если начнёшь драться, могут вызвать полицию, которой ещё придётся объяснить, чем именно тебе не угодил этот прекрасный отдых.

Тем не менее Иван каким-то чудом оказался в Рио.

Вполне возможно, что он выиграл путёвку на радио. Такие туристы уже попадались мне не раз. Как именно сюда

занесло Ваню, я не знаю. Но, посчитав свои деньги, он понял, что в Рио особо не пошикуешь. Бесплатными удовольствиями оставались пляж и моцион по Авениде Атлантике в белых штанах.

Стоит ли рассказывать вам, сколько русскоязычных туристов мужского пола считают своим долгом привезти в Рио белые штаны? Как будто без них на паспортном контроле развернут обратно.

В первый же день Иван получил подробные инструкции по безопасности и отправился в самостоятельное путешествие по Копакабана.

Ваня, как человек, прислушивающийся к словам других, надел белую полупрозрачную рубашу, белые летние штаны, сандалии и извечные носки. Тоже белые. Заодно часы — дешёвые, но привлекающие внимание. Весь этот антураж он завершил купюрой в пятьдесят реалов, вложив её в нагрудный кармашек.

А рубашка полупрозрачная, я ж говорю.

О том, что произошло дальше, я узнал уже от него.

Отель Ивана находился на четвёртой линии от пляжа. Думается мне, выйдя из него, парень просто перепутал направление, в котором находится море, и пошёл в сторону туннеля, рядом с которым расположена Табажара — одна из местных фавел.

Почему он выбрал именно эту дорогу, точно утверждать не берусь. Но вместо прогулки вдоль океана у него получи-

лось знакомство совсем с другой частью города.

Прошёл наш турист туннель и оказался в Ботафого, возле улицы, ведущей к Табажаре. С одной стороны — фавела, с другой — кладбище. Та ещё обстановочка для курортного променада.

По его рассказу, там к нему пристала небольшая компания, человек пять. Совсем молодые.

Иван сначала особого значения этому не придавал. Ну пацаны какие-то. Что-то говорят на непонятном языке. Он отмахнулся.

Один из них продолжил объяснять. Уже гораздо настойчивее.

Ваня, вспоминая школьные уроки немецкого, ответил: — Нихт ферштейн, мать твою.

Немецкий язык ему в тот день не помог.

Из рассказа можно было предположить, что требование звучало примерно так:

— Cara, ou você me dá cinquenta reais, ou vou cortar sua orelha.

Что в переводе на Ванин означало:

— Чувак, гони пятьдесят реалов, или я отрежу тебе ухо.

Точную фразу мы, конечно, уже не узнаем. Иван понял только слово «реал». Как называются местные деньги, он успел выучить. А вот расставаться с ними не захотел.

Купюра лежала близко к сердцу. Практически в прямом смысле.

Дальше всё произошло так быстро, что он, по собственным словам, даже не сразу почувствовал боль.

Зато опроверг народную поговорку «Не видать, как своих ушей».

По крайней мере, одно своё ухо — левое, если кому интересно, — Ваня увидел. Оно оказалось у него в руке.

Наверное, его растерянность можно понять. Не каждый день видишь собственное ухо отдельно от остального себя.

Пока Иван пытался осмыслить случившееся, компания исчезла. Вместе с ней исчез и заветный полтинник из нагрудного кармашка.

Вот уж ирония судьбы. Кто-то гуляет по городу с дорогими часами и тысячами долларов в сумке, а Ваня вышел всего с одной купюрой. Только купюру эту было видно через рубашку.

Обратно в отель он пришёл с ухом в руке.

Не знаю, что именно подумала девушка за стойкой, когда увидела постояльца, которого совсем недавно отпускала гулять. По Ваниному рассказу, когда он показал ей ухо, она упала в обморок.

Руку и сердце бразильские женщины принимают охотно. А вот русские уши — не очень.

В надежде, что земляки его поймут, Иван позвонил мне.

К этому моменту история перестала быть рассказом о странном туристе в белых штанах. Человек находился в чужой стране, не говорил на местном языке и нуждался в по-

мощи. Я отнёсся к его словам вполне серьёзно и вызвал скорую в отель.

Как бы то ни было, закончилась эта история удачно.

Ухо Ивану пришили.

Самое удивительное — случившееся не заставило его свернуть путешествие. Уже через три дня он отправился дальше по намеченной программе: водопады Игуасу и дебри Амазонии.

Путёвка оплачена. Ухо на месте. Чего дома-то сидеть?

Вернувшись в Рио, Иван заехал в больницу, где ему сняли швы.

Потом я отвозил его в аэропорт. Конечно, спросил о самочувствии. Всё-таки после такого приключения хотелось узнать, как человек себя чувствует и чем для него закончилась встреча с местной молодёжью.

Иван ответил:

— Блин, суки, ухо ровно пришили. Теперь никто дома не поверит, что я его в руках держал!

Глава 5. Оставайтесь на линии

У бразильских телефонных компаний есть офисы. Понатыканы в каждом городе: вывески, витрины, телефоны, сотрудники. Можно зайти, купить аппарат, оформить тариф. Но если с этим тарифом начинаются проблемы — звоните в call-центр. В офисе вам никто ничем не поможет.

То есть продать тебе телефон могут лично. А вот послушать, почему он не работает, — только по телефону.

Я перевёл свой номер в TIM с pre-pago на pós-pago. Раньше покупал карточки, вводил код и разговаривал, пока деньги не закончатся. Теперь решил платить в конце месяца за всё, что наговорил. Казалось бы, удобнее. Первая неделя прошла нормально: телефон работал, я звонил, мне дозволялись.

Но в один прекрасный день аппарат написал: «Незарегистрированная SIM».

Всё. Ни мне позвонить, ни со мной связаться.

Подождав пару часов и убедившись, что самостоятельно телефон регистрироваться не собирается, я позвонил в call-центр.

— Вас приветствует TIM. Примерное время ожидания составит пять минут.

Дальше предложили послушать музыку и тётку, которая рассказывала, какой у меня замечательный оператор. На пят-

надцатой минуте ожидания появилась другая тётка. Живая.

— Здравствуйте, меня зовут такая-то. С кем говорю?

Со мной, конечно. Вот тебе моё имя, мой номер телефона и проблема, которую нужно решить.

— Ах, да. Подождите, пожалуйста, перевожу ваш звонок в департамент, ответственный за вашу проблему.

Ещё минут десять наслаждаюсь автоматической тёткой. Про ТИМ я уже знаю всё наизусть. Кроме одного: почему у меня не работает телефон.

Наконец:

— Здравствуйте, меня зовут такая-то. С кем говорю?

Со мной, конечно. Вот тебе моё имя, мой номер телефона и проблема, которую нужно решить.

Повозившись со своим компьютером, оператор попросила подтвердить некоторые данные: номер паспорта, дату рождения и имя матери.

Маму тоже назвал. Что дальше?

— Ах, да. Подождите, пожалуйста, перевожу ваш звонок в департамент, ответственный за вашу проблему.

С небольшими вариациями ситуация повторилась ещё раз за три. Я уже сообщил компании о себе столько, что можно было писать мою биографию. Только телефон по-прежнему не работал, а ответственный за него департамент всё никак не находился.

И тут, проторчав на линии около часа, я сделал большую ошибку.

Начал орать.

Вот этого делать не стоило.

Не разговаривает call-центр с нервными клиентами. Просто обрывает связь. Ты можешь сколько угодно ждать, повторять имя матери и слушать про преимущества своего оператора. Но будь любезен сохранять хорошее настроение.

Выход один — начинать сначала.

— Вас приветствует ТІМ. Примерное время ожидания составит пять минут...

И снова музыка. Снова тётка. Снова замечательная компания.

Даже если у тебя хватает терпения не послать их всех по известному адресу, это ещё ничего не гарантирует. Какая-нибудь операторша обязательно скажет:

— Простите, у нас проблемы в системе. Перезвоните, пожалуйста, позже.

Или ещё лучше:

— Простите, департамент, ответственный за вашу проблему, сегодня не работает.

А я-то всё думал, почему меня туда никак не могут перевести.

Самое прекрасное — прощание. В конце они непременно благодарят тебя за то, что ты пользуешься ТІМ, и желают отличного дня.

Пользуюсь, да. Уже час с вами разговариваю. Больше ни с кем не получается.

Прошло две недели моих безуспешных попыток решить ситуацию в свою пользу.

За эти две недели пришёл счёт.

Без опозданий. День в день.

Вот с этим у компании всё было в порядке. Система не зависла, департамент работал, моё имя вспомнили без подкаски. И даже маму спрашивать не понадобилось.

Счёт я оплатил. Мне ещё не хватало отметки о задолженности в CPF — бразильском налоговом номере, к которому привязана в том числе кредитная история. Потом объясняй другой компании, почему ты не платил предыдущей. Телефон же тебе отключили? Отключили. Значит, наверное, было за что.

В общем, платишь, чтобы не нажить новых проблем, пока пытаешься разобраться со старыми.

Наконец я решил отказаться от услуг TIM.

Мой звонок перевели в setor de cancelamento — отдел отключений. И тут обнаружилась совсем другая компания.

Все вежливые. Трубки не бросают. Разговаривают с тобой, как психологи с пациентом. Сочувствуют, переживают. После двух недель общения с остальными отделами я, в общем-то, уже вполне подходил на роль пациента.

Но была одна небольшая проблема.

У них опять зависла система.

Аннулировать мой тариф они не могли.

То есть пользоваться телефоном я не могу. Отказаться от

телефона тоже не могу. А вот платить — пожалуйста.

И просто послать их не получится. Пока тариф не отменён, абонентская плата продолжает начисляться. Каждый месяц будет приходить новый счёт за возможность иметь телефон, который не работает.

Я чувствовал себя загнанной лошадью. При одной мысли, что придётся снова звонить в call-центр, становилось дурно. Я уже заранее слышал эту музыку и знал, что сейчас у меня опять спросят имя матери.

Самое обидное, что я однажды уже проходил через подобное. Несколькими годами раньше. Только тогда речь шла о домашнем телефоне.

К моменту этой истории домашнего телефона у меня не было уже два года. И чувствовал я себя без него прекрасно.

Но от мобильного отказаться невозможно.

Другие операторы наперебой предлагали перейти к ним. Даже бесплатный аппарат обещали. Очень заманчиво. Только я прекрасно понимал: случится очередная проблема — и мне опять предложат позвонить в call-центр.

А дальше читай выше.

Пока я писал об этих приключениях, на глаза попалась статья. Двадцатиоднолетний житель Сан-Паулу оформил себе тариф с сорока минутами разговоров в месяц. Они входили в абонентскую плату, за превышение надо было доплачивать.

Через месяц ему пришёл счёт на 712 реалов — по тогдаш-

нему курсу около 356 долларов.

Парень стал звонить в call-центр. Надо думать, с такими же приключениями. Объяснял, что большая часть звонков не его и платить за них он не собирается.

И победил.

Ему прислали исправленный счёт.

Правда, с одной особенностью. В графе, где должно было стоять его имя, было написано: «Filho da puta, q pariu».

В подробности португальского мата вдаваться не буду. Скажем так: маму клиента в этой компании всё-таки запомнили.

Согласно статье, парень подал на TIM в суд.

Удачи ему.

И мне тоже.

Глава 6. Как я стал гидом

Гидом я стал потому, что не умел продавать ювелирные украшения.

В какой-то момент пришлось себе в этом признаться. Можно было сколько угодно ходить на работу, надевать костюм и надеяться, что однажды мне понравится. Не понравилось. Меня эта работа ужасно доставала. Нервировала. В радость она мне точно не была.

Для такой торговли нужен определённый характер. Тебя послали — ты улыбнулся и пошёл к следующему. Следующий послал — ничего страшного, есть третий. А я так не мог. Я слышал, куда меня посылают. И пропустить это мимо ушей, как положено хорошему продавцу, у меня не получалось.

Особенно неприятно, когда ты ещё даже ничего человеку не сделал. Не продал ему кольцо, не испортил отпуск, не занял денег. Просто подошёл. А тебя уже отправили по адресу.

Наверное, кто-то умеет относиться к этому спокойно. Я не умел. И каждый рабочий день заново убеждался, что ювелирная торговля прекрасно обойдётся без моего участия.

В это время одна моя подруга уже училась на курсах гидов. Насколько я тогда знал, в Рио было две лицензированные компании, где можно было получить такое образование. Она ходила на занятия, и я решил тоже пойти.

Город я любил. Рассказывать мне нравилось. Бывшему журналисту всё-таки интереснее объяснять людям, что происходит вокруг, чем убеждать их, что без очередного украшения жизнь у них не сложится.

Правда, любовь к Рио сама по себе удостоверения гида не давала. Нужно было учиться.

И учиться довольно долго.

Курсы продолжались больше года. Это не выглядело так: приехал в Бразилию, прочитал три статьи про статую Христа, запомнил высоту Сахарной головы — и готово, можно собирать группу. У нас была полноценная программа. История Бразилии, география, архитектура, английский язык, первая помощь и ещё много других предметов. По каждому нужно было сдавать экзамены.

Архитектура, например. Турист смотрит на здание и спрашивает, что это такое. И ему хотелось бы услышать что-нибудь содержательнее, чем «старый красивый дом». Гид должен понимать, что перед ним, когда это построили, почему именно так и какое отношение всё это имеет к городу, по которому он водит людей.

И с историей то же самое. Одного набора дат мало. Их ещё нужно связать между собой, самому понять, что происходило, а потом рассказать так, чтобы человек захотел слушать.

Отдельно преподавали первую помощь. Потому что с живыми людьми может случиться что угодно, и группа состоит не только из бодрых молодых граждан, способных весь день

скакать по лестницам. Пока всё хорошо, об этом не особенно думаешь. Но если кому-нибудь станет плохо, все посмотрят на тебя. Ты же гид. Ты их сюда привёл.

Всё преподавание шло на португальском.

Вот тут мой язык получил очень хороший толчок. Хочешь ты или не хочешь, а понимать надо. Тут уже не получится ограничиться разговором о том, сколько что стоит и куда повернуть. Тебе объясняют историю страны, архитектурные стили или порядок оказания первой помощи. И потом ты это сдаёшь.

Я учил профессию и одновременно продолжал учить язык. Одно без другого просто не работало.

Пожалуй, это был один из самых полезных способов подтянуть португальский. Не потому, что я внезапно стал образцовым учеником. Просто у меня появилась вполне конкретная цель. Я хотел закончить курсы и работать. Значит, нужно было разобраться.

В нашей системе подготовки гиды делились на региональных, национальных и международных. Я учился на международного гида. Поэтому одними занятиями и экзаменами в аудитории дело не ограничивалось. Предстояли ещё две выездные проверки: национальная и международная.

Национальный экзамен мы сдавали в соседнем штате Сан-Паулу. Ездили на автобусе.

В такой поездке проверяют гораздо больше, чем способность говорить в микрофон. Нужно уметь работать с груп-

пой на длинном маршруте, с переездами и ночёвками. Люди должны куда-то приехать, где-то разместиться, потом снова собраться и поехать дальше. И всё это время у них есть вопросы, желания и собственные представления о том, как должно быть.

Рассказать про памятник — ещё не вся работа. Попробуй организовать поездку так, чтобы до этого памятника все добрались.

Международный экзамен мы сдавали в Буэнос-Айресе. Туда уже летели всей группой.

На таких выездах каждому ученику доставалась своя тема. Мне нужно было рассказать про Рио-де-ла-Плату.

Вот так: собирался показывать людям Рио-де-Жанейро, а сам стоишь перед необходимостью как следует разобраться с рекой в Аргентине. И это было интересно. Уже сама возможность поехать с группой в другую страну, подготовиться, выступить, пройти эту проверку — всё это воспринималось как начало новой жизни.

Это были весёлые времена. Я был молодой, мне всё было любопытно. Хотелось узнавать, ездить, смотреть. Даже в экзаменационной поездке оставалось удовольствие от самой поездки.

После окончания курсов и сдачи всех экзаменов можно было подавать документы на удостоверение гида.

Казалось бы, больше года учился, всё сдал — выдайте человеку карточку и отпустите работать. Но пластиковое удо-

стование можно было ждать чуть ли не год. Поэтому многие, получив регистрационный номер, печатали карточку сами. Главное, чтобы регистрация уже была. Пластик мог путешествовать по своим бюрократическим маршрутам гораздо дольше, чем гид со своими туристами.

Удостоверение было нужно для официальной работы. И, конечно, давало бесплатный доступ на туристические объекты: Сахарную голову, в музеи и другие места, куда мы водили группы. Гиду ведь приходится бывать там постоянно. Для туриста это одно посещение за отпуск, а для тебя — рабочее место.

Тем обиднее было потом смотреть на людей, которые только приехали в Бразилию и немедленно объявили себя гидами.

Ещё по-португальски толком не говорят. Страну не знают. Нахватались чего-то в Википедии — и уже готовы показывать её другим.

Я больше года учился, сдавал предметы, ездил на экзамены. А человек, оказывается, мог просто написать о себе: «Гид в Рио-де-Жанейро». И всё. Профессия получена.

Здесь таких называли гидами-пиратами. Туристическая полиция пыталась с ними бороться, но попробуй уследи за всеми. Со стороны не всегда и поймёшь, кто перед тобой: человек гуляет со знакомыми или проводит экскурсию за деньги.

Меня это раздражало. Потому что я уже знал, сколько все-

го стоит за этой работой. И насколько легко туристу принять уверенный голос за знание предмета.

Но когда я начинал, важнее всего этого было другое: я гордился тем, что живу в Рио-де-Жанейро.

До сих пор помню это чувство. Я здесь живу. В этом городе. И теперь смогу показывать его людям, которые прилетают за тысячи километров. Русскоязычным туристам из моей страны и из других стран. Рассказывать им то, что узнал сам, помогать увидеть то, мимо чего они иначе прошли бы.

Мне очень хотелось, чтобы им здесь понравилось.

Я отдавался работе полностью. В сезон почти без выходных, в жару, под дождём, пешком и на машине. Километры, переезды, снова километры. Сейчас, когда тебе уже почти полтинник, я бы на такую работу заново, наверное, не пошёл. Уже хорошо понимаешь, сколько сил она требует.

А тогда мне нравилось. За восемнадцать лет я от этой работы не устал. Мне было интересно то, что я делал, и хотелось продолжать.

Клиенты иногда попадались достаточно паскудные. Некоторые ещё появятся в этой книге, так что далеко от темы мы не уйдём.

Но большую часть своих туристов я всё равно вспоминаю с благодарностью.

Люди слушали. Задавали вопросы. Им нравилось. Они оставляли хорошие отзывы, и мне было приятно понимать, что моя работа кому-то нужна. Что человек приехал с одним

представлением о Бразилии, а уезжает уже с другим.

Потому что Бразилия — это гораздо больше, чем фавелы, футбол и карнавал.

Здесь есть история, которую не расскажешь за пять минут между отелем и пляжем. Есть огромная экономика, сельское хозяйство, машиностроение, автомобильная промышленность. Здесь производят самолёты. И всё это тоже Бразилия, хотя в привычную картинку с танцующей девушкой и футбольным мячом она не помещается.

Я старался показывать страну шире этой картинки.

Не знаю, много ли это в масштабах целой Бразилии. Но надеюсь, что за восемнадцать лет хоть немного помог её имиджу. Что люди, которые ездили со мной, уже не сводят её к трём знакомым словам.

Что мог, то и сделал.

Работу гида я любил. А как оказался на кухне — это уже другая история.

Глава 7. Нам не выдали халаты

— Нам не выдали халаты и банные тапочки.

За моей спиной остались четыре часа дороги из Рио в Ангру. Впереди были ещё четыре часа обратно. Между этими двумя поездками я должен был всего лишь заселить шестерых туристов и отправиться домой.

Всего лишь.

Есть слова, которые гиду вообще лучше не употреблять. «Быстренько», например. Или «осталось только». Произносишь — и сразу выясняется, что ничего ещё не осталось, а всё только начинается.

— Сколько вообще звёзд тут?

— Где мой сейф?

— Переведите меню, а то тут всё на английском!

— Я хочу другую комнату. Тут написано тридцать два квадратных метра, а в номере всего шестнадцать!

Гостиницу они выбрали сами. Со мной не советовались. Но отвечать за квадратные метры, звёзды, английский язык и отсутствие тапочек почему-то предстояло мне.

Впрочем, к этому моменту я уже мог бы привыкнуть.

Начался тот сезон грустно. Русскоязычные туристы словно договорились не приезжать в Бразилию. У кого рубль упал, у кого тенге, у кого гривна. Смотришь на курс доллара и думаешь: чтоб у мужиков хрен так рос.

В прошлом сезоне, оказывается, всё ещё было хорошо. Целых пять туристов. А в этом — один.

Утрирую, конечно. Но настроение было примерно такое.

И вот на этом безрадостном фоне мне достались шесть человек. Три пары. Чиновники московского правительства с жёнами. На них, судя по поездке, кризис особого впечатления не произвёл. Под санкции они не попали, Бразилия их принимала, деньги на путешествия имелись.

Казалось бы, радуйся. Работа.

Я и радовался. Поначалу.

У одного из мужчин был путеводитель. Само по себе это прекрасно: человек подготовился, интересуется страной, хочет что-то узнать. Любому гиду приятно работать с любознательным туристом.

Но этот хотел узнать главным образом одно: где я ошибусь.

— А вот в этом путеводителе написано, что принцесса Изабел...

И дальше — проверка показаний.

Я рассказываю, он сверяет. Я называю дату, он ищет страницу. Я объясняю, он снова заглядывает в книжку. Две недели человек потратил на то, чтобы поймать меня на какой-нибудь неточности.

Сидел, сука, и сверял.

К его сожалению, доколотаться так и не получилось. От этого он становился ещё зеленее. Видимо, отпуск не впол-

не удавался: страна чужая, деньги потрачены, а гид всё ещё прав.

Остальные тоже не скучали.

— Я же им по-русски объяснила: воду без газа!

Вот именно. По-русски.

Особенно трудно в работе гида объяснять вещи, очевидность которых для тебя не вызывает сомнений. Например, почему бразильский официант в Бразилии не понимает по-русски. Женщина ведь объяснила. Причём ясно. Воду. Без. Газа.

Что ещё нужно?

Английский тоже присутствовал. В авторской обработке.

— Молодой человек, please, как вас там, намбер эйт, рум эйт, сейф плиз!

Это была просьба помочь открыть сейф в восьмом номере.

Не спасти восьмой номер.

Раньше я думал, что такие разговоры существуют только в анекдотах. Потом стал работать с туристами и понял, что авторы анекдотов многое смягчают.

В ресторанах начиналась отдельная программа.

— Мы же просили ресторан, а не забегаловку!

Дело происходило на трассе между городами. Не на улице с десятком заведений, где можно перейти дорогу и выбрать другое. Но объяснять это было бесполезно. Люди просили ресторан.

Я уверен, что между Хабаровском и Владивостоком в те годы уже стояли сплошные мишленовские заведения. Иначе откуда такая обида на бразильское придорожное питание?

— У них тут даже водки приличной нет. Чем запивать, чтобы не отравиться этой бразильской жарочкой? Помню, в Африке мы отравились, и в Камбодже...

География отравлений была обширной. Слушая её, можно было составить отдельный маршрут. Бразилия пока только проходила испытательный срок, но шансов оправдаться у неё было немного.

— А вот в том ресторане нам не такое мясо подавали. В том гораздо лучше было. Там свининка была, а тут подошва из говядины.

И там, и тут им подавали *costela de boi*. Говяжьи рёбра. Приготовленные одинаково.

Но в предыдущем ресторане говядина, по-видимому, сумела убедительно притвориться свиньёй.

Особенно мне запомнилось вино.

— Ну подайте нам молодого вина национального. Мы пьём только молодое и национальное.

В Рио принесли *Valduga* 2012 года. Господа оценили. Долго чмокали губами, обсуждали, восхищались. Я их восторгов не разделял, но в конце концов пить предстояло им.

В Петрополисе принесли вино того же производителя, на год моложе.

Казалось бы, всё по заказу: национальное, ещё моложе.

Радуйтесь.

Нет.

— Совсем букет не тот. Я в интернете читал, что этот год не удался.

Две тысячи тринадцатый? В Бразилии? Не удался?

На каких, твою мать, склонах он не удался?

Спрашивать это вслух не хотелось. За ответом мог последовать ещё один путеводитель.

Между едой и вином люди беспокоились о безопасности.

— Люба, следи за сумкой, тут же все воруют!

Мы находились в четырёхзвёздочном отеле на Авенида Атлантика. Но Любе следовало быть начеку.

— А чё, у вас правда так много негров? Они, наверное, опасные очень?

На такие вопросы тоже должен отвечать гид. Желательно спокойно. У тебя экскурсия, оплаченная программа и ещё несколько дней совместной жизни. Просто отойти от неприятного разговора, как ты сделал бы в обычной компании, не получится.

Пробки, разумеется, тоже относились к моей компетенции.

— И сколько мы ещё должны стоять в этой пробке?!

Стояли минут двадцать. В пятницу. В час пик, когда из Рио все пытались выбраться одновременно.

Но люди приехали отдыхать. Почему город не учёл это обстоятельство, оставалось совершенно непонятным.

А потом был трансфер из аэропорта Рио в Ангру.

Минивэн. Я и водитель впереди. Туристы сзади. Четыре часа пути.

До сих пор не знаю, как описать эту поездку так, чтобы читатель не закрыл книгу. Мужская половина компании производила впечатление людей, которые с момента выезда из Москвы не мылись.

Кондиционер работал. Двадцать один градус. Температура вполне комфортная.

Запах — как в московском метро в час пик.

Один из пассажиров вдобавок пощёлкивал.

Всю дорогу.

Четыре часа.

Не эпизодически, когда человек сделал что-то нечаянно и теперь ему самому неловко. Это было полноценное сопровождение трансфера.

Окна мы открыть не могли. Сидели и дышали тем, что имелось.

Мой водитель жил в фавеле. За всё время нашей работы я ни разу не чувствовал от него неприятного запаха. А тут мы везли людей, которых занимали букеты вина, качество ресторанов и другие признаки цивилизованной жизни.

В какой-то момент мне стало казаться, что водитель готов выброситься из машины. Я бы его понял. Сам был близок к тому же решению.

Дорога в Ангру очень красивая. Горы, океан, повороты.

Вообще-то по ней приятно ехать и показывать туристам виды.

Но красоту пейзажа трудно оценить, когда основная задача — дожить до следующего вдоха.

Наконец приехали.

Angra Boutique Hotel они забронировали самостоятельно. Несмотря на слово Hotel в названии, по устройству это была поузада — небольшое размещение семейного типа. Не огромный курортный комплекс, который, судя по начавшимся вопросам, они себе представляли.

Я должен был помочь заселиться и уехать. Впереди обратная дорога. В сумме восемь часов сидя на жопе — не каждый копчик выдержит. Мой уже достаточно ясно сообщал, что продолжать этот праздник ему не хочется.

И тут выяснилось, что нет халатов.

Потом — тапочек.

Потом возникли вопросы к сейфу, меню, площади комнаты и количеству звёзд.

Шесть человек задавали их почти одновременно. Каждый считал свой вопрос главным и не понимал, почему я занимаюсь чужим.

Отдельно обнаружился пляж.

— До пляжа очень далеко. Я сто метров не пойду!

Сто метров.

После перелёта через Атлантику и четырёхчасовой поездки на машине последние сто метров оказались непреодоли-

мым препятствием.

Но всё это было ещё не самым интересным. Самое интересное выяснилось, когда я собрался уезжать.

— А куда это вы поедете?!

Домой. Куда же ещё?

— Нам ещё четыре дня тут быть! Как мы будем с этими местными общаться?!

Вот так и сказали.

Они самостоятельно выбрали гостиницу. Самостоятельно её забронировали. Заказали трансфер. А теперь выяснялось, что вместе с машиной им, по всей видимости, полагался русскоязычный человек на четыре дня.

Человек должен был остаться при них, переводить меню, открывать сейфы, выяснять судьбу халатов и объяснять местным про воду без газа.

У него ведь больше никаких дел быть не мог.

Теперь вы понимаете, почему мне хотелось быть поваром?

Тогда мне казалось, что повару гораздо проще. Ему не надо обсуждать политику, межличностные отношения, цвет кожи, религию и причины, по которым бразильцы не говорят по-русски.

И вообще, у повара есть один замечательный аргумент.

Нож.

Глава 8. Старик и собака

Прям бесят меня иногда бразильцы!

Они вечно опаздывают. На работу, на учёбу, на вечеринки, на собственные свадьбы и, подозреваю, даже на похороны. Если хотите пригласить бразильца домой к восьми вечера, назначайте на пять. Тогда есть некоторая вероятность, что к восьми вы хотя бы начнёте переписываться о том, скоро ли он выйдет.

Никуда не торопятся. Вот вообще.

Очередь — двадцать человек. Работают две кассы. Третья тоже вроде бы работает, но кассирша ушла пить кофе. У другой обнаружилась знакомая, с которой необходимо немедленно обсудить жизнь. Именно сейчас. Потому что потом знакомая уйдёт, а очередь-то останется.

И очередь остаётся. Терпеливо.

Обязательно найдётся бабушка, которая пересчитает все центаво в кошельке, чтобы дать без сдачи. Потом пересчитает ещё раз. Потом выяснится, что всё-таки не хватает.

Дай бог здоровья человеку, который придумал смартфон. Без него я бы в этих очередях уже кого-нибудь убил. А так читаешь книжку, отвечаешь на сообщения, смотришь, как живут люди, которым сегодня не надо в банк.

Самое неприятное, что возмущение твоё окружающим не очень понятно. Ну стоим. Ну ждём. Куда тебе так срочно?

Мне иногда кажется, что я и сам уже не знаю куда. Но ведь можно быстрее!

С бюрократией, правда, за годы многое изменилось. То, ради чего раньше приходилось куда-то ехать и сидеть под дверью, теперь можно сделать через интернет. Я это признаю. Нельзя бесконечно ругать страну за очередь, в которой простоял двадцать лет назад.

Но новые очереди тоже имеются.

Когда я рассказываю обо всём этом, обязательно находится человек, который спрашивает, почему я так не люблю бразильцев.

Здрасьте. Приехали.

Я их люблю. Просто любовь совершенно не помогает, когда перед тобой кассирша двадцать минут разговаривает со знакомой.

Однажды меня прямо обвинили в том, что я отношусь к бразильцам с презрением и вообще ничего хорошего в них не вижу. Я собрался немедленно возразить. Даже начал мысленно перечислять, за что именно их люблю.

И тут у меня случился затык.

Ругательства подбирались легко. А хорошие слова куда-то делись. Не чувства — именно слова. Хотелось объяснить нормально, без торжественной речи о прекрасном народе прекрасной страны.

Для начала я люблю их за беспонтовость.

В моём понимании это прекрасное качество. Когда у че-

ловека есть море, солнце, говядина и холодное пиво, необходимость производить впечатление на окружающих заметно снижается. Шорты, майка, сланцы. По этому комплекту попробуй ещё определи, сколько у его владельца денег.

Люблю за то, что в лифте с тобой могут поздороваться и заговорить просто потому, что вы вместе едете. Успеешь узнать прогноз погоды и какую-нибудь семейную новость. Если разговор происходит в автобусе, к обсуждению легко подключатся люди, которых никто не спрашивал. Особенно если речь о детях. Тут совет дадут все.

Меня это тоже иногда утомляет. Я вообще не обещал быть удобным человеком.

Но есть вещи, перед которыми всё моё раздражение заканчивается.

Моему племяннику было три года, когда он попал в госпиталь с обезвоживанием. Мы не учли бразильскую жару. Ребёнок перегрелся на солнце, потерял сознание в душе. Как был голый, так его и повезли.

В государственном детском госпитале ему оказали прекрасную помощь. Четыре часа под капельницей — и можно домой.

Только домой ехать не в чем.

В суете об одежде никто не подумал. Нашли какие-то памперсы, ждём такси.

До этого я успел получить в интернете комментарии от русскоязычных знакомых. О том, как мы могли такое допу-

стить. О семи няньках. Всё, что очень необходимо услышать, когда ребёнок уже в больнице и ты прекрасно понимаешь, что произошло.

А мимо нас прошла девушка со своим ребёнком, примерно полутора лет. Увидела нашего.

Отдала покрывало и майку.

По ней было видно, что она сама живёт небогато. У неё тоже маленький ребёнок. И вещи, которые она нам отдавала, ей самой были нужны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.